

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

12
ТОМ
2014

1
номер

ТЕОРИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ¹

П. КОЗЛОВСКИ,

Перевод А.А. Оганесян
Научный редактор перевода – М.А. Корытцев

JEL classification: A11, A12, B41, B52, B53.

- I. Экономическая теория как наука о культуре и как понимающая социология
- II. Экономическая теория как историческая наука
- III. Априорный характер рационального принципа
- IV. За пределами априорной рациональности

Слияние двух дисциплин всегда предполагает, что синергетический эффект действует в обоих направлениях. Каждая из дисциплин перенимает концепции другой дисциплины, выигрывая от слияния собственных концепций с заимствуемыми. В случае слияния этической и экономической теорий имеет место та же ситуация. Этическая экономия предполагает использование этических концепций в экономическом анализе, равно как и использование экономических инструментов или экономических концепций в философской этике. Второй междисциплинарный перенос из экономической дисциплины в этическую теорию не столь сильно привлек внимание ученого сообщества, хотя в данном случае такой перенос также дает множество позитивных синергетических эффектов. Однако в настоящей статье на изучение данного вопроса не будет делаться акцент.

Подход этической экономии охватывает экономическую теорию этики, а также этическую теорию экономической науки (Koslowski, 1994). Не ограничиваясь этической теорией экономической науки, он распространяет свое влияние и на экономическую теорию этики. Не следует полагать, что проявления подобных синергетических эффектов экономической науки в этической теории подразумевают, что этика может быть полностью сведена к экономической науке, несмотря на позицию некоторых ученых, поддерживающих такую точку зрения. Например, Карл Хоманн, по-видимому, полагает, что экономическая наука превращается в разновидность универсальной теории деятельности, также полностью охватывающей и этику (Homann, Blome-Drees, 1992).

В данной работе исследуется этическая теория экономики и деловой этики в нормативном смысле, а также проводится (в позитивном смысле)² этический анализ экономической деятельности. Этическая экономия, или этический анализ экономической науки, имеет двоякий смысл и направление – нормативное и позитивное: нормативное направление теории деловой этики, с одной стороны, и позитивную, или герменевтическую, сторону анализа и понимания интерпретации культуры и духа экономики. Дух экономики здесь понимается в гегелевском смысле самоописания объекта и институционального самоопределения экономических институтов.

Поскольку историзм – это прежде всего теория культуры и объективного духа общества и исторической эпохи, он может служить важным источником аналитических инструментов и концепций

¹ Koslowski P. (2000). The Theory of Ethical Economy as a Cultural, Ethical, and Historical Economics: Economic Ethics and the Historist Challenge, pp. 3–15 / In Koslowski P. (ed.) (2000). Contemporary Economic Ethics and Business Ethics. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 266 p.

² В современной экономической теории происходит выделение позитивной и нормативной составляющих частей экономической науки. В рамках первой, и, соответственно, в отличие от второй, не предполагается вынесение исследователем оценочных («нормативных») суждений относительно выявляемых особенностей функционирования исследуемых хозяйственных процессов. (Прим. науч. редактора.)

для позитивного культурного анализа экономики, для построения позитивной теории этической экономики как анализа определенной этики и культуры экономики, предваряющих обсуждение каких бы то ни было вопросов нормативной этики.

I. Экономика как наука о культуре и понимающая социология

Людвиг фон Мизес, как один из крупнейших мыслителей австрийской школы, и Альфред Шюц, один из главных сторонников понимающей социологии (*Verstehende Soziologie*), называли экономическую науку наиболее развитой ветвью понимающей социологии (*Mises, 1929; Schutz, 1932; Schutz, 1971*). Для них экономическая наука была самой продвинутой отраслью понимающей социологии. Принципом последней является понимание действий посредством категоризации субъективного контекста цели и значения в объективном контексте смысла и цели (ср. (*Schutz, 1971. P. 340*)).

Одним из центральных объективных контекстов смысла в современных обществах служит объективный контекст смысла, сформированный экономикой. Определение социального контекста смысла, а также определения ситуаций, связанных с выбором, поведением, поведенческими ожиданиями или ролевыми ожиданиями, гораздо лучше определены и конкретизированы в экономической сфере, чем в других системах или сферах культуры. Ролевые ожидания предпринимателей и потребителей относительно рациональности их поведения в системе экономической культуры очень хорошо и точно определены. В этой сфере культуры оценить степень успешности поведения и деятельности легче, чем в других, поскольку экономический расчет цен осуществляется лучше (*is better defined*), чем другие способы оценки успешности в рамках институтов в иных сферах культуры.

Разумно предположить, что в экономической деятельности собственно экономическая, направленная на локальную максимизацию рациональность определяет стремление индивидов к тем или иным целям, в экономике такое стремление может пониматься более бесспорно и однозначно, чем какие-то иные социальные действия или действия в рамках других культурных систем общества. Тезис о том, что экономическая дисциплина является наиболее развитой ветвью понимающей социологии, обосновывается тем фактом, что понимание экономической наукой как частью социальной науки такой сферы культуры и общественной подсистемы, как экономическая сфера, наилучшим образом поддающейся измерению, в свою очередь превращает ее в науку, в которой методы измерения получили наибольшее распространение, что делает ее наиболее однозначной (*univocal*) частью социальных наук. Мы можем воспринимать рациональную, направленную на достижение собственного экономического интереса, деятельность в качестве наиболее совершенной из всех форм деятельности – по сравнению, например, с деятельностью, как менее рационально однозначной, так одновременно и менее определенной относительно своих целей и средств, не руководствующейся формальной рациональностью и экономическим расчетом, направленным на рыночный успех, но преследующей реализацию культурных и материальных целей, в смысле, определяемом ценностно-рациональной теорией Макса Вебера и Макса Шелера, противопоставляемой целерациональному типу деятельности³ (*Zweckrationalität*).

Очевидно, что понимание человеческой деятельности не может быть сведено к пониманию экономических мотивов и стратегий максимизации прибыли и полезности, хотя мы, возможно, и предпочли бы, чтобы так оно и было. Это происходит потому, что именно экономические цели и действия, проистекающие из стремления к реализации этих целей и мотивов, наиболее ясны для понимания, и представители социальных наук, таким образом, могли бы предпочесть, чтобы любые человеческие мотивы были бы столь же ясны для понимания. Но если мы хотим глубже понять природу человеческой деятельности, нам следует также лучше понять иные цели и смысловые контексты, определяющие в реальности человеческую деятельность. Нам следует принять во внимание такие ее детерминанты, как мораль и культурные аспекты деятельности.

Различие между неоклассической и австрийской экономическими теориями, с одной стороны, и исторической экономикой, а также экономикой культуры – с другой, и заключается в широте охвата сферы исследуемых мотивов, в той степени, в которой они учитывают неэкономические факторы в рамках экономического анализа. Историческая экономическая школа рассматривает

³ В частности, М. Вебер в своей работе «Основные социологические понятия» характеризовал различные типы социального поведения, определяемые им тем или иным типом мотивации. К двум наиболее развитым видам деятельности им были отнесены ценностно рациональная и целерациональная деятельность. Первая предполагала, что мотивация деятельности индивидов определяется набором значимых для них ценностей; вторая – максимизацией результата относительно целей, к которым индивиды сознательно стремятся. (Прим. науч. редактора.)

экономическую науку не только как логику выбора средств для достижения заданных целей, но и как анализ целей, а также как теорию взаимозависимости целей и средств.

Шмоллер дает поучительный пример расширения границ экономического анализа, помогающего объяснить те факторы, которые неоклассическая и австрийская экономическая теории принимают как данные априори, например, сформированные предпочтения и эластичности спроса. Он описывает различные реакции на повышение цен на сахар в Англии и в Германии, имевшие место в его время. Когда в Англии повышение цены привело к падению величины спроса, в Германии этого не произошло. Задача экономической теории, согласно Шмоллеру, заключается в том, чтобы объяснить и понять причины различия реакций подобных колебаний цен. Экономическая наука должна объяснить различия ценовой эластичности спроса. Она не может принимать их просто как данность⁴.

Напротив, Людвиг фон Мизес, сторонник австрийской школы, утверждает, что ценовая эластичность – это просто данность. Показатели эластичности отражают просто исторический набор фактов, которые специально не исследуются и не подлежат объяснению собственно экономической наукой. Экономисту следует воспринимать конкретные значения эластичности спроса как исторические данные⁵.

II. Экономическая теория как историческая наука

Последний приведенный пример демонстрирует различие между исторической школой и неоклассической, а также австрийской школами экономической теории. Неоклассическая экономическая теория принимает как данность те особенности экономики, которые являются результатом исторического развития: институциональную структуру, общее мировосприятие и установившиеся обычаи потребителей, цели экономической деятельности. В результате она самоограничивается логикой рационального выбора с целью максимизации прибыли или полезности в априори заданных исторических обстоятельствах.

Историческая школа – родоначальница институционализма, – с другой стороны, обращает внимание на институциональную структуру, а также экономические культуру и этику, как сформировавшиеся исторически и под влиянием определенной культуры, как изменяющиеся характеристики, которые необходимо исследовать посредством культурного анализа и выявления культурных причин (*cultural analysis and cultural reasons*).

Различие между австрийской и исторической школами можно проследить, обратившись к исторической ситуации, в которой они развивались, – не столько к политическим различиям, сколько к историческому контексту. Историческая школа воспринимала экономическую теорию и гуманитарные науки не только как инструмент реализации (*realise*) рациональности в заданных культурных рамках. Скорее, она считала, что задача экономической теории – помогать формированию экономической культуры, способствующей экономическому и социальному прогрессу, росту благосостояния страны и развитию ее социальной политики. По этим причинам она поддерживала создание национального единого рынка (*single market*) в Германии XIX в., тогда как австрийская школа, возникнув в условиях мультинационального государства (империи), не рассматривала именно в качестве задачи экономической теории обеспечение экономического прогресса в рамках национального государства.

Культура, формирующая экономическую среду, намеренно рассматривалась исторической школой не как априори заданная, но как переменная величина, которая должна стать как объектом культурной, так и экономической политики. Эта позиция хорошо прослеживается в главной теоретической работе, посвященной теории гуманитарных наук и, скажем так, «критике исторического разума» во «Введении в исследование общества и истории» Вильгельма Дильтея. Довольно интересно, что Дильтей, в противоположность существующей теории герменевтики, которая, кажется, утратила собственные перспективы применения в экономической науке, требует, чтобы задачей гуманитарных наук являлось не только постижение культур, понимание посредством проникновения и эмпатии (*Einfühlung*) в различные культуры, но также и формирование культуры, превращение ее в объект политики и политологии. Гуманитарные науки являются одновременно теорией культуры и теорией культурной политики. Дильтей открыто приветствует попытку Шмоллера объединить усилия наук о культуре и экономических наук. Это объединение является научным достиже-

⁴ Ср. со Шмоллером (*Koslowski, 1992*).

⁵ Подразумевается, что в своей позиции Мизес исходит из того, что исторические особенности формирования, например, различных ценовых эластичностей не имеют прямого отношения к предмету экономической науки и должны изучаться, например, той же исторической наукой. (Прим. науч. редактора.)

нием подхода Шмоллера. Также очевидно, что развитие гуманитарных наук (*Geisteswissenschaften*), а также развитие исторического, этического и культурного подхода в экономической науке имеют много общего.

Историческая школа представляет собой направление экономической теории, которое стремится к установлению более масштабного контроля над экономикой и процессами экономического развития, чем австрийская и неоклассическая экономические теории, будучи нацелена также на теорию и политику в области культуры и экономической этики. Она стремится представить культурные привычки и этические убеждения и нормы как формирующиеся под воздействием дискурса и размышлений. Эта концепция исторической школы – изображать нечто, что прежде считалось заданным и неизменным, как контролируемое или подлежащее регулированию, – очень современна.

Историческая школа стремится исследовать культурные основания экономической политики, культурные предпосылки экономической политики и политики формирования экономического порядка (*Ordnungspolitik*). Можно увидеть влияние этой идеи на культурные основания экономического порядка в теории социальной рыночной экономики Альфреда Мюллера-Армака (ср.: *Koslowski, 1998*) и Людвиг Эрхарда, в частности – в идее интегрированного общества (*formierte Gesellschaft*) Эрхарда, в котором теория экономического порядка и экономическая политика находятся в гармонии с культурой данного общества и его культурной политикой, социальной политикой и другими сферами политики.

С другой стороны, австрийская и неоклассическая экономические теории принимают культурную и историческую «среду» как некую данность. Культурная среда не является с их точки зрения объектом экономической науки. Не так просто выразить подобные различия экономических теорий в политических категориях. Австрийская школа в некотором смысле гораздо более консервативна, чем историческая школа, потому что она принимает как данность культурную и социальную среду в целом. Однако начиная с 1950-х гг., после демонстрации результатов дискуссий между австрийской и исторической экономическими школами, а также благодаря влиянию Хайека, многим экономистам кажется, что все наоборот. Австрийская школа выглядит либеральной, а историческая – реакционной. Подобная оценка не соответствует действительному положению вещей, имевшему место в XIX в. Историческая школа поддерживала экономическую унификацию в Германии, осуществляемую под прусским руководством, в противоположность австрийской школе, не разделявшей идеи единого национального рынка. Можно не испытывать симпатий к Пруссии, но фактически, по сути, Пруссия была скорее революционной силой, возмущавшей весь порядок в Европе. Невозможно расценивать это как консервативность в традиционалистском смысле.

III. Априорный характер принципа рациональности

Мизес и австрийская школа преуспели в исключении всех культурных и этических детерминант экономической деятельности из экономической науки, поставив знак равенства между человеческой и рациональной деятельностью. Это очень интересный ход, предпринятый Мизесом, – определить человеческое действие как всегда по определению рациональное. С его точки зрения, в случаях, когда человеческая деятельность кажется иррациональной, – это представляется только потому, что мы, находясь на позиции внешнего наблюдателя, не знаем или не понимаем целей, для достижения которых индивид, действующий «иррационально», выбирает те или иные средства.

Априоризм Мизеса возникает из его понимания экономических законов, которые Мизес рассматривал как законы выбора и деятельности, а не как законы мотивации и реакции. Принцип экономического расчета – это закон, определяющий логику человеческих предпочтений одних видов деятельности относительно других. Это не закон, который описывает эффекты, оказываемые внешними событиями на человеческое поведение, и заставляет людей реагировать посредством определенных стимулов. Точно таким же образом, как правила логического силлогизма определяют способ логического вывода теоретических заключений, экономические законы рациональности определяют правила практического силлогизма. Они определяют выводы, которые будут сделаны на основе сопоставления и осмысления рациональными индивидами наборов средств и целей. При формулировании посылок практического силлогизма, касающихся доступных средств и целей, экономический принцип требует того, чтобы в качестве заключения, вытекающего из этих посылок, было выбрано решение, соответствующее максимизации/минимизации требуемого параметра. Необходимо подчеркнуть, что решение о рациональном действии выбирается, а не детерминируется реальностью, внешней по отношению к актору.

Принцип экономического расчета является априорным принципом логики выбора и действия, в том смысле, что все сознательные акты выбора должны соответствовать этому принципу, точно так же как все акты мышления должны соответствовать логическому принципу непротиворечивости. Оба принципа - принцип экономического расчета и принцип непротиворечивости, однако, не всегда реализуются в человеческих решениях и актах мышления. Ни совершенный экономический расчет, ни строгое логическое заключение не реализуются обязательно во всех человеческих действиях и мыслях.

Мизес был прав, подчеркивая значимость психической и априорной природы принципа экономического расчета. Однако он ошибочно уравнивал человеческие действия вообще и совершенно рациональные действия, или действия, основанные на экономическом расчете. Мизес утверждал: «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие «рациональной деятельности», таким образом, избыточно и должно быть отвергнуто как таковое» (*Mises, 1949. P. 18*). Не во всяком действии, однако, рациональность реализуется в полной мере, хотя и не существует деятельности, которая хотя бы частично не следовала экономическому принципу. Похоже, что Мизес счел необходимым поставить знак равенства между действием и рациональным действием, с тем, чтобы избежать возможных возражений относительно того, что принцип экономического расчета не может быть априорным, потому что он применим не ко всякому действию и не является истинным для всех без исключения действий.

Опыт, подтверждающий, что действующие индивиды не всегда следуют принципу рациональности, не опровергает общую и априорную достоверность этого принципа. Поппер формулирует возражение против априорного характера принципа экономического расчета, заключающееся в том, что принцип рациональности – не проверяемое эмпирическим или психологическим путем суждение, поскольку он всегда относится к ситуациям и целям сквозь призму того, как они воспринимаются действующим индивидом (*Popper, 1967*). Но мы, выступая в качестве внешних по отношению к разуму индивида наблюдателей, не в состоянии в точности оценить, как агент осуществляет собственно процесс принятия решения, поскольку мы не способны в полной мере изучить его собственное восприятие ситуации. Принцип рациональности не может быть проверен эмпирическим путем. Но согласно Попперу он и не является априорным принципом, поскольку не может быть всегда применимым. Люди не всегда ведут себя рационально. Руководствуясь этими наблюдениями, Поппер заключает, что априорный принцип, который не всегда является истинным, является либо неверным, либо не априорным. Принцип рациональности, следовательно, как утверждает Поппер, является важным принципом, но одновременно также и принципом очень слабого содержания, принципом «минимума». Мы адаптируем собственные действия к ситуациям таким образом, как мы субъективно их воспринимаем.

Против этой критики могут быть выдвинуты два возражения. Первое состоит в том, что принцип рациональности не может быть опровергнут с позиции внешнего наблюдателя. Невозможно точно решить со стороны, поступил ли агент рационально, поскольку принцип рациональности в своей слабой форме нефальсифицируем⁶. Действующий индивид мог всегда иметь веские причины поступать так, как он и поступал. Принцип рациональности, следовательно, может быть истинным априори, но мы не можем быть уверены в его универсальности и априорной достоверности. Второе – не обязательно, чтобы априорный принцип всегда полностью выполнялся. Попперовское определение априорности как строгой необходимости не является убедительным. Не все априорные принципы всегда соблюдаются, даже правилам логики не всегда следуют, хотя они не опровергаются и не утрачивают своего априорного характера на основании того факта, что люди не всегда им следуют. Как говорит Витгенштейн: «Такая логика априори возникает из того факта, что *невозможно* осмыслить что-либо, не прибегая к логике» (*Wittgenstein, 1921. P. 76, proposition 5.473*). Из этого утверждения Витгенштейна, однако, не следует, что все всегда осмысливается логически. Ни о чем невозможно подумать, не прибегая к логике, – но не все может быть осмыслено логически. Невозможно действовать, совсем исключая рациональный расчет, однако не все причины действий являются рациональными.

Поскольку логика и рациональность являются не дискретными (обособленными), а длительными (совмещенными) характеристиками (*continuous qualities*), априорный характер логики мышления и логики деятельности не опровергается фактом существования различных степеней логики и рациональности мышления и деятельности. Тот факт, что люди не всегда действуют рационально, еще не означает, что принцип экономического расчета не является априори достоверным приме-

⁶ То есть в принципе отсутствуют возможности получить данные, опровергающие данные теоретические утверждения. Критерий фальсификации научного знания впервые сформулировал К. Поппер. (Прим. науч. редактора.)

нительно к ситуациям принятия и реализации сознательных решений и действий. Особенно непостижимой для стороннего наблюдателя является ситуация принятия решения агентом, как он воспринимает ее *ex ante*. Как был адаптирован расчет решения агентом к конкретной ситуации и как он воспринимал (осознавал) этот процесс? Как он мог предвидеть возникшие в процессе деятельности соотношения между способами достижения целей, самими целями и результатами? Поскольку существуют разные степени логичности, существуют также и различные степени рациональности. Ограниченные степени логичности в мышлении индивидов не следует рассматривать как опровержение существования логичности как таковой. Прочитываем снова Витгенштейна: «Сформировалось четкое представление о том, что должен существовать закон наименьшего действия, хотя это произошло до того, как определенно стало известно, каково его точное содержание. Здесь, как всегда, априорное определенно превращается в что-то почти логическое» (*Wittgenstein, 1921. P. 105, proposition 6.3211*). Точно так же, как логические правила мышления не гарантируют достижения корректных выводов на практике, априорный характер принципа рациональности при принятии решений не гарантирует рациональности в решениях и действиях. «Логические правила, как и принцип рациональности, демонстрируют, как мало достигается тем фактом, что проблемы решены» (*Wittgenstein, 1921. Preface*).

IV. За пределами априорной рациональности

Формальный и априорный характер логики и принципа рациональности убеждает в том, что настоящие проблемы начинаются, когда формальные проблемы уже решены. То, что дело обстоит именно так, демонстрирует ситуация, связанная с дискуссией вокруг экономической этики и экономической теории в целом. Экономическая теория не может ограничиваться исключительно решением формальных проблем выбора. Она должна также предоставлять теорию генезиса экономической культуры, в рамках которой имеет место рациональный выбор. В качестве примера здесь можно привести следующее: привычки и культура потребления сахара не могут быть лишь параметрами для предпринимателя, который хочет заняться бизнесом, торгуя сахаром, поскольку он хочет знать, каковы причины того, что характеристики этих параметров именно таковы, какие они есть. Он хочет, чтобы они были переменными, подлежащими экономическому объяснению. Экономист может сказать, что сахар – это товар высшей категории в Германии, но не в Англии. Это дальнейшее описание того, что уже было описано эмпирически ранее. Невозможно объяснить, что именно делало сахар товаром высшей категории в Германии в XIX в., просто лишь констатацией факта того, что он являлся товаром высшей категории.

Экономическая наука должна стремиться больше исследовать темы, связанные с социологией потребления, стремиться понять причины того, почему сахар являлся товаром высшей категории в Германии, но не в Англии; какие классы потребителей предъявляют спрос на сахар; каковы культурные ценности и что представляет собой история потребления сахара, и т. д., т. е. факторы, определяющие различия значений эластичности спроса на сахар. Поскольку общество и культура историчны, анализ культуры всегда подразумевает также и исторический анализ. В этом заключается причина того, почему историческая школа уделяла столько внимания историческим исследованиям. Причина заключалась не в том, что они были историками, а в том, что они были убеждены, что культурные детерминанты могут быть поняты только тогда, когда они исследуются именно как исторически сформировавшиеся детерминанты.

В этом также заключается причина исторической ориентации образования в Германии XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт говорил, что военнотружущие должны изучать прежние войны и стратегии в качестве кейсов для будущих задач. История рассматривалась как помощник в исследовании текущих проблем методом кейс-стади. Экскурсы в историю – это не пустая трата времени. Можно также утверждать, что метод исторического кейс-стади имеет явные преимущества над американским методом кейс-стади. Изучая исторические кейсы, вы вынужденно совершаете очень важные операции интеллектуального трансфера. Особенности исследуемого исторического случая так или иначе переносятся на текущие случаи, что, редко делается при исследовании современных кейсов. При исследовании текущего кейса никого не принуждают делать перенос. Студента можно убедить в том, что все кейсы похожи на исследуемый случай. Главной проблемой для метода кейс-стади становится не только способность найти решение в конкретной ситуации, но и дать возможность студенту сделать перенос с исследуемого в аудитории случая на другие, которые отличаются от той ситуации, которая исследуется в аудитории.

Культура и общество историчны по своей природе. Наиболее историчен путь развития общества, тем более – природы. Очень часто упускается из виду, что природа также имеет свою историю. Сегодняшняя биология даже больше, чем когда-то это делал Дарвин, акцентирует внимание на том, что существует также и история природы, и что это меняет статус дарвинизма как чисто аналитической теории.

Этическая экономия в смысле позитивистского и культурного анализа развивает теорию понимающей экономики (*Verstehende Wirtschaftswissenschaft*), направленной на объяснение экономической культуры и развивающей соответствующие методы для проведения подобного рода исследований. Главным методом понимания является герменевтический метод, разработанный Дильтеем, Боллноу, Шпрангером, а также Гадамером⁷. Современный интерес к вкладу Гадамера так или иначе не вполне адекватно отражает то, насколько он разделяет традицию исторической школы в гуманитарных и социальных науках, в особенности позиции Дильтея и Шпрангера. Дильтей и Шпрангер более близки к социальным наукам и к экономической теории, чем большинство сегодняшних представителей герменевтики, сосредоточивающейся главным образом на герменевтике текстов. Для прежней теории гуманитарных наук тексты – только один из объектов, подлежащих анализу с точки зрения наук о культуре.

Метод понимания является продолжением круга культурного самовыражения («*the circle of cultural expression*»). Этот круг культурного самовыражения описывается посредством опыта, переживаемого автором в рамках определенного культурного контекста (*Erlenberg, Erlebnis*), выражением этого опыта автором посредством символической передачи и посредством понимания со стороны того опыта, который выражает автор. Принимающая сторона пытается понять это выражение опыта и таким образом замыкает круг понимания между первоначальным переживанием автора и повторным переживанием данного опыта принимающей стороной (ср.: *Spranger, 1965. P. 210*)).

Этическая экономия как теория экономической культуры не сталкивается с проблемой релятивизма, поскольку культура всегда относительна – по отношению ко времени, месту и к другим культурам. Абсолютная культура или идея абсолютной культуры невозможны, и там, где культура утверждает свое существование как абсолютной культуры, можно быть уверенным в том, что мы столкнулись с национализмом или фундаментализмом. Культура всегда так или иначе относительна по отношению к духу времени (*Zeitgeist*) и к населению – будь это нация либо наднациональная сущность. В XIX в. идея национального духа (*Volksgeist*) относилась к нации. Сегодня она может ассоциироваться скорее с духом определенных групп наций.

Задачей экономической науки как этической и культурной теории является понимание типа и объективного духа экономики определенной эпохи и для живущего в эту эпоху и в этом месте населения. Она должна анализировать унифицирующие и дифференцирующие признаки культуры, экономически релевантные по отношению как к культуре потребления, так и к культуре производства. Поскольку страны Запада образуют единую культуру потребления и производства, дух этой экономической культуры больше не является национальным, превратившись уже в наднациональный.

Исследование духа времени и экономической культуры в высокой степени развито в маркетинговых исследованиях и исследованиях потребительского поведения, релевантных для культурного понимания экономики и позитивной теории менеджмента. Основания такой теории и ее методологии заложены исторической школой экономической теории и гуманитарными науками (*Geisteswissenschaften*).

Культура общества не только имеет позитивную сторону, в качестве данности как порядка или стиля жизни и как интерпретации человеческого существования. Эдуард Шпрангер различал культуру как образ жизни (*Lebensordnung*) и культуру как интерпретацию человеческого существования (*Daseinsdeutung*) (*Spranger, 1953*). Культура имеет также нормативную сторону – в качестве порядка обязательств, должного, долга и закона. Культурные обычаи и привычки также в какой-то степени превращаются в законы общества.

Закон, в свою очередь, дополняется моралью и нравственностью сознания. Кодификация культуры и права, а также «спонтанность» этики отражает двойственную природу закона, который в то же самое время является порядком волеизъявления (*Wollensordnung*) и порядком долга и обязательства (*Sollensordnung*). Такой двойственный характер закона, как *Wollensordnung* и *Sollensordnung*, делает необходимым совместный анализ права и нормативной этики. Полное разделение права и этики является искусственным. Закон и этика не являются идентичными, поскольку область тре-

⁷ У Гадамера мы встречаем, однако, сведение *Geisteswissenschaften* к герменевтике текста, что не характерно для более старой традиции *Geisteswissenschaften*, в большей степени ориентированной на единство социальных, культурных и гуманитарных наук.

буемого с позиций этики выходит за пределы требуемого законом. Закон и этика не разобщены, но в какой-то степени идентичны.

Нормативную этическую экономию нужно развивать в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с гражданским правом, или законами экономического обмена. Право само по себе также демонстрирует двойственную природу позитивного и морального содержания, довольно схожего с содержанием этической экономики, которая также является экономической этикой в нормативном смысле и экономикой культуры в позитивном смысле. В праве существует аспект нормирования тех отношений и вопросов, которые также могут различаться, находясь под влиянием промышленных норм, таких как DIN, ISO. Эти нормы носят нормативный характер, но не являются моральными нормами. Одновременно, право отражает также и моральное измерение основных законов, связанных с правами человека и т. д., которые являются обязательными не только с юридической точки зрения и в зависимости от обстоятельств, но также и с позиции нравственности и моральных обязательств.

Нормы деловой этики в качестве практических этических норм и нравственности ведения бизнеса не могут противоречить законам экономической науки, и наоборот. Конфликты и противоречия могут, конечно, временами возникать, и их нужно преодолевать. Деловая этика должна заключаться в критике существующего экономического права, там, где оно противоречит базовым моральным нормам ведения бизнеса. Деловая этика должна, однако, также ориентироваться на опыт и знания в сфере права. В дополнение к юриспруденции и экономической теории, необходима триада права, этики и экономической науки. В этой триаде, в рамках экономической теории права, не только принцип эффективности должен применяться по отношению к самому праву, но и принципы этики, совместно с принципами эффективности, должны использоваться для разработки адекватного законодательства.

Благодаря своей исторической и культурной ориентации, историческая школа экономической теории впервые признала тесную взаимосвязь между правом и экономической наукой. Ежегодник Шмоллера назывался «Ежегодником экономической теории и законодательства».

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES)

Homann K. and Blome-Drees F. (1992). *Wirtschafts- und Unternehmens-ethic*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Koslowski P. (1992). *Ethical Economy as Synthesis of Economic and Ethical Theory* / In Koslowski P. (ed.) *Ethics in Economics, Business, and Economic Policy*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, pp. 15–56 (= *Studies in Economic Ethics and Philosophy*, vol. 1).

Koslowski P. (1994). *Prinzipien der Ethischen Okonomie*. Tiibingen: Mohr Siebeck.

Koslowski P. (1998). *The Social Market Economy: Social Equilibrium of Capitalism and Consideration of the Totality of the Economic Order. Notes on Miiller-Armack* / In Koslowski P. (ed.) *The Social Market Economy. Theory and Ethics of the Economic Order*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, pp. 73–95 (= *Studies in Economic Ethics and Philosophy*, vol. 17).

Mises L., von. (1929). *Soziologie und Geschichte. Epilog zum Methodenstreit in der Nationalokonomie*. *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*, 61, pp. 465–512.

Mises L., von. (1949). *Human Action. A Treatise on Economics*. New Haven: Yale University Press.

Popper K. (1967). *La rationalite et le statut du principe de rationalite* / In Rueff J. and Claassen E.M. (eds.) *Les Jondements philosophiques des systemes economiques*. Paris: Payot, pp. 142–150.

Schutz A. (1932). *Ver sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Wien: J. Springer.

Schutz A. (1971). *Das Problem der Relevanz*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Spranger E. (1953). *Kulturfragen der Gegenwart*. Heidelberg: Quelle & Meyer.

Spranger E. (1965). *W. Dilthey, Gedlichtnisrede* / In Spranger E. *Vom piidagogischen Genius. Lebensbilder und Grundgedanken gro er Erzieher*. Heidelberg: QueUe & Meyer.

Wittgenstein L. (1921). *Tractatus logico-philosophicus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (1979).